

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

№7

27 ИЮНЯ 2013

«ТРОЙКА СЕМЁРКА ТУЗ» Государственный молодёжный драматический театр «С улицы Роз» (г. Кишинёв, Молдова)

Вся наша жизнь построена на поиске магической комбинации. «Тройка-семёрка-туз» или «расчёт- умеренность-трудолюбие» – в самой надежде найти верное сочетание элементов кроется очарование ложной истины, которая поможет избежать бедности, старости, скуки и одиночества.

«Пиковая дама» Пушкина становится для Николая Коляды, а вслед за ним и для режиссёра спектакля Юрия Хармелина, поводом поговорить о патологическом мистицизме, о русском характере, неизбывном непонимании людьми друг друга и опьянении жизнью.

Начинается всё с того, что мы видим на сцене дымящиеся аквариумы с красной жидкостью, куда опущены трубки вроде тех, из которых курят опиум. Сцена покрыта красными металлическими листами, по которым звонко рассыпаются блестящие монеты. Лакеи в масках и красных livреях приносят пену в бокалах. Свет тоже преимущественно красный, тревожный, горячий, олицетворяющий энергию жизни. Нужно отметить, что в художественном решении авторы спектакля отталкиваются напрямую от ремарок и относятся к тексту пьесы максимально бережно.

Очень просто и эффектно работают подвижные ширмы: зеркало с одной стороны, чёрное полотно – с другой. Сразу легко представить и нарядные балльные залы, и тёмную спальню графини... Но в первую очередь, это, конечно, карты: тёмная «рубашка» и до времени скрытое от глаз «лицо», которое одновременно жаждешь и боишься увидеть.

Морок – вот лучшее определение того, во что погружает спектакль. Не можешь очнуться, не можешь отчётливо понять, что происходит. В этом состоянии и хорошо, и невыносимо одновременно. Вот говорит Германн (Василий Павленко), ты знаешь, что в его репликах есть смысл, но не понимаешь ни слова – до середины

второго действия он говорит почти исключительно по-немецки. Вот появляется Графиня (Ольга Софрикова) в отвратительной маске старухи. И ты знаешь, что актриса молода (что доказывает сцена, когда Графиня обнажается), но ей удаётся настолько обмануть тебя с помощью голоса и пластики, что перестаёшь доверять себе. «Не старею, а молодею», – всё повторяет она. То ли смерть, то ли Россия, ненавистная и неизбежная.

Наиболее понятной становится Лиза (Арина Ревнивых). Надменная, поверхностная, она хочет одного – вырваться из окружающей её «тюрьмы». Не мучимая тёмными страстями и рефлексией, она становится обладательницей наследства и выходит замуж за... картонное олицетворение мужской силы.

Все артисты работают в удивительной, непривычной манере. Они честны в своём лицедействе. И хочется отметить каждого, но, безусловно, это в первую очередь спектакль Василия Павленко. Он такой «испорченный мальчик», чистый снаружи и с тёмной бездной внутри. Артист безошибочно раскрывает все грани характера героя и заставляет зрителя максимально пристально взглянуть в образ Германна. Застёгнутый на все пуговицы офицер, после встречи с Графиней

открывается как подросток, самонадеянный, самовлюблённый и не обретший мужского начала в себе – в белом исподнем и женском чепце. Германн переходит с «собачьей мовы» на русский и думает, что постиг наконец эту мифическую загадку русской души. Но и теперь его не понимают. Не по-русски он говорит. Живёт не по-русски. Здесь нельзя с расчётом, с прицелом, последовательно, без любви. Здесь только на авось, только в постоянном конфликте, во влюблённости то в одну европейскую страну, то в другую. Но всегда с ощущением причастности к какой-то особой тайне, которая дороже любых благ и красот.

Чтобы разобраться в своих мыслях и ощущениях от спектакля, можно написать большое эссе или даже книгу. Но, может быть, и это не даст ясного понимания. Потому что это похоже на опьянение, которое обманчиво манит некой истиной и заканчивается лишь похмельем. И здесь – ещё немного, ещё чуть-чуть, и ты всё поймёшь... Хотя всё давно открыто, там, в сердце и в этой шершавой мелодии «Russian dance» Тома Уэйтса, завершающей спектакль.

Елена Гецевич

Василий Павленко (Германн)

Ощущаете ли вы разницу в восприятии спектакля жителями Кишинёва и Екатеринбурга?

У нас похожая публика. Что ваши зрители, что наши, воспринимают спектакль двояко: кто-то принимает, кто-то отказывается воспринимать. Также пополам всегда делится и мнение критиков.

Что вы можете сказать об образе России в пьесе?

Все персонажи, кроме Германна, на самом деле, обожают и боготворят её. Нам казалось, что Николай Владимирович писал именно об

этом: о безумной любви к России и о «загадочной русской душе». Мы ругаем её, говорим, что в Германии или любой другой стране всё лучше, чем в России... «Там» – всё прекрасно! Только жить там – невозможно. Жить можно только здесь.

А какое у вас отношение к персонажу?

Германн, конечно, отвратительный тип... Но это суть профессии, суть нашего ремесла: в любом отрицательном персонаже найти что-то хорошее, полюбить своего героя. Так что, к Германну, как и ко всем персонажам, которых я играю, я отношусь – хорошо. И, разумеется, оправдываю все его поступки.

По вашему мнению, много ли от «Пиковой дамы» Пушкина сохранилось в пьесе «Тройкасемёркатуз»?

В этой пьесе очень много Пушкина! Говоря сухим языком статистики: примерно 70%... Все идеалы героев из «Пиковой дамы» перенесены туда. Более того, все фразы на немецком языке – это переведённые цитаты из Пушкина. Но я бы вообще не хотел сравнивать, «Пиковая дама» и «Тройкасемёркатуз» – два абсолютно разных произведения. Нужно относиться к пьесе Николая Коляды как к самостоятельному явлению. К сожалению, некоторые зрители не могут этого понять...

Расскажите о вашей системе театрального образования.

У нас театральный лицей, там учатся 12 лет. Открылся он в 1995 году. Помимо основных предметов, которые преподаются на высоком уровне, в образовательную программу входят такие дисциплины, как сценречь, ритмика, хореография, фехтование, хор, сольфеджио, вокал и многие другие... Также у нас есть факультет в театральном университете. Итог всего этого – театр «С улицы Роз». Я сам сначала закончил всю эту систему, а теперь уже преподаю – и в университете, и в лицее. И играю в театре, конечно.

Вы, наконец, вновь на «Коляда-Plays», да ещё с таким «сложновывозимым» из дома спектаклем. Наверное, нелегко было привезти его сюда?

Да уж... В этот раз нам пришлось трое суток ехать в автобусе именно из-за нашей масштабной декорации, которая никуда больше не захотела помещаться! Но разве это сложности... Как видите, мы здесь, чему очень рады.

Есть надежда опять увидеть вас на этом фестивале?

Конечно! Как только нас позовут, то мы прилетим и даже опять приедем. Более того – у нас есть конкретные планы на следующий год... Но делиться ими я пока не буду!

Беседовала Елена Шангина

«БАБА ШАНЕЛЬ» Молодёжный театр «Ангажемент» им. В. С. Загоруйко (г. Тюмень)

Спектакль «Баба Шанель» тюменского «Ангажемента» чётко разделяется по линии антракта. И если в первом действии кипела жизнь, каждое слово в устах артисток жило, каждое движение на сцене плотно укладывалось в непрерывную цепочку действия и изобиловало находками (один stomp на алюминиевых чашках-вилках чего стоил!), то во втором действии жизнь вдруг останавливается...

Что тому причиной? Может, молодому московскому режиссёру Семёну Филиппову скучно говорить серьёзно о старости и смерти? Действительно кажется, что ему больше по душе видеть в старушках от 60 до 90 лишь источник веселья, задора и нерастраченной сексуальной энергии. Пока «номинальные» бабульки (актрисы существенно моложе своих героинь) буквально купают в любви и сэкономленной за годы нежности своего художественного руководителя, пока форсят друг перед другом салатиками, «ахматовой» и прочими побасенками, пока отбиваются от пришедшей бабы Шанель – каждая из них яркая, объемная, запоминающаяся... А во втором действии вдруг начинаешь всех путать несмотря на то, что одна картавит, второй пририсовали «этнические» усы, третья – в очках... Похороны кошки Блудни, Тамара-городок, из чего делают мыло, надо всем заняться транссёрфингом, и прочее, и прочее – всё произносится с одной интонацией и будто от одного лица. Конечно, тональность событий поменялась от яркого карнавала и «творческого» угара к похмелью и смерти... но это не значит, что нужно бросить актрис наедине с текстом.

Алексей Еньшин

Пока в ансамбле «Наитие» дела идут хорошо, старушки склочничают и вредничают. Стоит появиться внешней опасности, открываются их лучшие черты, оказывается, что при всех недостатках, тётки они незлые и сердечные. Однако принять в свой круг молоденькую, 55-летнюю выскочку не готовы, тем более, если она окажется супер-звездой на первом плане, а им останется бэк-вокал. Героиня Альбины Захаренко – та самая баба Шанель – выведена предельно гротескно. Привыкнув к вполне реалистичной и душевной

комедии, ты вжимаешь голову в плечи, не желая видеть и слышать вульгарную и агрессивную тётку, которую руководитель ансамбля берёт, прельстившись сексапиллом и мифическими связями Розы Николаевны. Как поясняет художник Елена Волкова, резкий контраст между главными героинями и бабой Шанель – это, по сути, метафора. Если старушки тут – живые люди, то Роза Николаевна воплощает явление, может, даже эпоху, тотальную смену ценностей, для которой заслуги пенсионерок – малозначительный фон.

Ирина Пермякова
«Баба Шанель» тюменского извода», «Вслух.ру»,
21.03.2013.

ВИКТОР ТЕТЕРИН Попадая в родную среду

Поэт и драматург из Саранска Виктор Тетерин пишет пьесы о политике и работает юристом. На конкурсе «Евразия-2013» Виктор стал обладателем третьей премии в номинации «Пьеса на свободную тему».

По меркам уральской школы драматургии, где все молодые да ранние, ты начал писать довольно поздно, «уже за двадцать». А раньше что, не пробовал?

Я как-то никогда об этом не задумывался... А сейчас стал вспоминать – было дело, в детстве пытался что-то сочинить. Да это всё как бы само собой произошло. Не было желания, не было... потом книжки прочитал, появилось. Из современных, например, Миллер или Лимонов учили меня какой-то внутренней свободе. А потом уже появилась потребность самому выражать то, что во мне есть.

Как появилась идея первой пьесы?

Первые свои произведения я считаю, вообще, очень слабыми, как и у всех, наверное, их ученические работы. Был в 2002 году захват заложников на Дубровке – и «навеяло», как говорится. Атмосфера была такая в воздухе. В начале двухтысячных часто происходили теракты. А мне всегда хотелось отражать то, что происходит вокруг. Какие-то обостренные проблемы, касающиеся политики, общества.

Когда ты начинаешь писать, то уже знаешь, чем всё закончится?

Должна быть какая-то идея в голове, а не как будто на тебя озарение спустилось! Обдумываешь какое-то время идею, потом начинаешь писать... И, конечно, часто бывает, что в процессе придумывается новое и сюжет меняется. Иногда кардинально. Но всё равно изначальный замысел должен быть: нужно знать, что я пишу, о чём, и чем это должно закончиться. А бывает и так, что идеи долго нет, и тогда возникают такие... перебивки в работе.

Как ты считаешь, для художника важно место, город, в котором он создаёт свои произведения?

Последняя моя пьеса как раз об этом. Взять, например, столицу и провинцию – что такое провинция вообще и как это объяснить? Она либо есть в самом человеке, либо нет. Можно жить в

провинции и быть, по своей сути, столичным человеком. И наоборот. Люди живут в Москве, и некоторые из своих районов месяцами не выезжают в центр города. Ходят за пятьсот метров на работу, обратно домой... ну, и в магазин по дороге. Ограниченность населения, ограниченность проведения культурного досуга – формирует человека. В провинции изо дня в день встречаешь одних и тех же людей. Это, конечно, сужает кругозор... но, может быть, ты становишься самобытным из-за этого. Каждому своё. Лимонов, кажется, говорил, что нужно менять обстановку каждые семь лет. Правда, я не такой радикал, как он, скорее даже, домашний человек...

Ты бы хотел, чтобы твою пьесу поставили в каком-нибудь из театров, приехавших на фестиваль?

Да, естественно. В любом! (Улыбается.) Хочется увидеть свой труд на сцене, чтобы слова тех героев, которые ты придумал, говорили живые люди и взаимодействовали друг с другом. Тогда чудо какое-то происходит... Не было ничего – и возникло нечто!

На «Коляда-Plays» ты уже в третий раз. Какие впечатления в этом году?

Осмысленно всё. Каждый год приезжают новые театры, новые люди, подвижники театра. Здесь попадаю в родную среду.

Беседовала Сабрина Карабаева

Из пьесы «Провинция»

ДЕНИС. Можно подумать, я здесь кому-то нужен... Да и вообще в Москве возможностей больше. Там и зарплаты нормальные, и... ну что тут сравнивать-то.

СЕРГЕЙ. А жить где будешь?

ДЕНИС. Сниму что-нибудь, комнату на первое время. Потом денег заработаю, квартиру буду снимать.

СЕРГЕЙ. Чё, думаешь, все так просто – приехал, сразу работу нашел, жильё? Если бы так было, все бы уже давно свалили.

ДЕНИС. Ну не просто, конечно, но реально. Макс же вон уехал и нормально – зацепился там, остался, теперь бизнес свой имеет, меня к себе зовёт. Так что всё реально, если захотеть. Просто многие уже здесь увязли, кому-то просто ехать куда не охота. А я вот наоборот – двигаться хочу, надоело мне всё здесь.

СЕРГЕЙ. Ладно, слышал я это уже всё. Сколько раз уже говорил, что уедешь, а сам не уезжаешь куда.

ДЕНИС. Да всё время что-то мешает. То денег нет, то на работе что-то, то ещё чего...

СЕРГЕЙ. Ладно, ладно, понятно всё с тобой.

ДЕНИС (вскакивает). Что тебе понятно, что понятно? Я, может, завтра уже уеду, возьму вот и уеду! Что меня тут держит? Ничего, ни семьи, ни работы нормальной, тоска одна вокруг!

СЕРГЕЙ (встает, хлопает Дениса по плечу). Да успокойся ты, чё сразу кипятишься-то? Ну хочешь уехать – уезжай, кто тебя держит. Чё ты так возбудился-то?

ЮЛИЯ ТУПИКИНА

Про отношения между людьми

Первая премия конкурса «Евразия-2013» в номинации «Пьеса для камерной сцены»

Расскажите, как вы начали заниматься драматургией?

После окончания университета я уехала в Москву, работала в сфере рекламы. А когда ушла в декрет, то решила, что хочу писать сценарии. Поступила на Высшие курсы сценаристов и режиссёров, в мастерскую Людмилы Голубкиной и Олега Дормана. Но куда-то пристроить свои сценарии не получалось. Параллельно очень прониклась к фестивалю «Любимовка». Тогда у меня появилась идея написать пьесу. На прошлой «Евразии» была отмечена первая моя работа – «Бэбиблюз».

В основе ваших пьес есть место личным историям, переживаниям?

Конечно, но не всегда. Последняя пьеса «Кулинарный кружок» – написана по чужому, услышанному от людей, материалу. С этой пьесой я ездила во Владимир, где делали эскиз спектакля. Союз Театральных Деятелей России организовал там семинар для начинающих драматургов со всей страны.

А пьеса «БА» почти автобиографическая. Это история моей семьи, а Ба – моя бабушка.

У бабушки была очень яркая, насыщенная жизнь, она всегда хотела, чтобы я написала что-то о ней... В пьесе Ба тоже просит свою внучку написать «мемуар».

Ба в пьесе – кто она? Злой маг или добрый волшебник?

Мне кажется, что добрый волшебник. Хотя какой это волшебник... Просто люди – они друг для друга катализаторы. Вдруг один человек появляется в жизни другого, и начинается какая-то химическая реакция. И человек, ставший катализатором, может вообще ничего не делать, главное, что он появился – химический процесс запущен. Таким катализатором стала Ба. Она появилась – и всё сразу изменилось. Ба хотела навести порядок в жизни внучки. И навела.

Над чем вы работаете сейчас?

У меня было готово 6 листов новой пьесы, когда я приехала на фестиваль. Здесь я написала ещё 6, и продолжаю работать в перерывах между фестивальными мероприятиями.

О чём будет пьеса?

Я люблю писать про отношения между людьми, мне интересна тема взаимодействий между мужчиной и женщиной.

Пьеса как бы продолжает тему «Кулинарного кружка», где главный герой – человек, который стремился всех «наладить», организовал кулинарный кружок и параллельно хотел улучшить жизнь этих людей. А новая пьеса про человека, который решил всем помочь, независимо, хотят того окружающие или нет.

Творчество каких современных драматургов вам интересно?

Мне нравится Дмитрий Богославский, очень талантливый драматург; Максим Курочкин, братья Дурненковы, Александр Родионов. Из уральской школы – Валерий Шергин, Владимир Зуев, Полина Бородина.

Я заметила, что мужчины-драматурги любят искать новый театральный язык, какие-то новые формы – меня всегда это восхищает, раскрепощает. А женщины обычно больше исследуют глубину.

Расскажите о впечатлениях от фестиваля.

Я хочу сказать большое спасибо Николаю Владимировичу, который вокруг себя организывает целую жизнь, создаёт какое-то «королевство в королевстве». И он не одиночка, он притягивает к себе талантливых людей.

Фестиваль объединяет всех – простых женщин и мужчин, которые не критики, не актёры, они не пишут пьесы, но приходят, смотрят спектакли по многу раз, обожают фестиваль, приходят ночью, стоят с нами на улице, общаются. Им это так интересно! Хорошо, когда есть то, что увлекает людей, иначе жизнь превращается в рутину «дом-работа-дом-работа». Хорошо, когда у людей ответная искра в душе разгорается и они увлечены театром.

Беседовала Юлия Серебрякова

Из пьесы «БА»

БА (Леше). А неси-ка огурцов, Алексей. Закусывать нечем. ЛЕША. А у нас нет огурцов. Может, маслины?

БА. Эту гадость не ем. А что, Оля, ты огурцы не солила в этом году?

ОЛЯ. Ба, ты знаешь, я не солю огурцы. И помидоры не солю. И капусту тоже. Я работаю в Останкино, Ба, продюсером на большом ток-шоу, я вкалываю как проклятая, и плачу ипотеку за эту квартирку. Недавно только за машину расплатилась. У меня иногда сил нет унитаз почистить.

БА. Ну ты всегда лентяйка была. Как с тобой Алексей-то живёт?

ОЛЯ. Ба!

БА. Ну ладно-ладно. То-то я телевизера не вижу. Теперь понятно: ты на работе смотришь.

ДМИТРИЙ ВОЙДАК **Попишем ещё!**

Вторая премия конкурса «Евразия-2013» в номинации «Пьеса для детского театра».

Как Вы попали в драматурги?

В 2008 году, наш главный режиссёр (Омского государственного театра куклы, актёра, маски «Арлекин» – прим. ред.) попросил написать новогоднюю сказку для театра, и я решил попробовать сделать «Волшебника изумрудного города». Прошло некоторое время, мы вернулись к этому материалу, добавили ещё один акт – в результате получился полномасштабный спектакль. Сейчас он называется «Тайна изумрудного города» и идёт в нашем театре по сей день. В скором времени я получил ещё один заказ, и написал пьесу «Соломенный бычок – смоляной бочок», тоже теперь идёт в нашем театре... Я никогда не писал всерьёз, даже не интересовался этим. А если и писал, то, как правило, «в стол»... Но потом узнал, что в Ингушетии проводится конкурс драматургов, послал туда пьесу и победил. Вот, после этого я и стал целенаправленно искать в интернете «драматургические конкурсы».

Что послужило поводом к написанию «папаМучительной-папамУчительной» сказки?

Когда задумываешь написать пьесу, вначале ищешь какую-то тему, продумываешь сюжет, а потом можно переходить к названию. А у меня получилось наоборот. Мне почему-то вспомнилось название одной пьесы – «Мамапапасынсобака»,

и вдруг на фоне этого родился такой каламбур «папаМучительная-папамУчительная», вот так, в одно слово. Я подумал и решил: а почему бы не написать пьесу на тему отцов и детей? Я посвятил её себе, своему сынишке и нашим с ним отношениям. Зачастую, отцы мало участвуют в воспитании детей! Сплошные заботы, проблемы, работа с утра до ночи... Я по себе знаю, как это бывает, когда удаётся провести с сыном только утро, успеваешь покормить ребенка завтраком и в течение дня больше его не видишь... Моя пьеса как раз о том, как папа работает целыми днями и никак не может увидеться с сыном. А ребёнок всё хотел-хотел увидеть папу, поиграть с ним... и вдруг, в один прекрасный момент, папа остаётся с сыном на целый день. Этот день из жизни папы и сына – моя попытка сказать самому себе, что ребёнок важнее всего, нужно уделять ему внимание, быть с ним, видеть, как он растёт. Надо быть «папой дома», а не «папой на работе».

У Вашей пьесы ещё и форма необычная – стихотворная. Это первый ваш такой опыт?

Да, пока это первая и единственная моя пьеса в стихах. А так... стихотворениями я с детства баловался, такими, скорее, «смешными рифмованиями».

И почему Вы решили написать именно так?

Не знаю... наверное, как первое четверостишие родилось:

В обычном городе, в одной простой квартире
Семья обыкновенная живёт.

Давайте приоткроем дверь пошире?

Здесь есть и мама, и сынок, и... кот???

Ну я и подумал, что уж если начал писать в стихах, почему бы не продолжить дальше?

Ваши пьесы часто ставят?

Да, достаточно много: в нашем театре идут две, в Северском театре, Санкт-Петербурге, в Йошкар-Оле... И даже в Эстонии. Так что – потихоньку вхожу в ряды драматургов.

На сегодняшний день у Вас немало пьес для детей. А вам не хотелось бы попробовать себя в других жанрах?

У меня есть некоторые идеи. Другое дело, что я не знаю основных законов написания пьес. Пишу по наитию, как слышу, как чувствую. Может быть, это неправильно... А задумка у меня есть для романтической подростковой пьесы, например. Думал я и о написании драмы. Есть и мысли, и заготовки... Посмотрим! Думаю, что если успею к следующей «Евразии», то пришлю уже не пьесу для детского театра, а на свободную тему.

Продолжение на с. 7

Начало на с. 6

Вам не предлагали поставить «папаМучительную-папамУчительную» сказку?

В СТД России мне уже выделили грант на постановку этой пьесы частным образом. Я думаю сделать её моноспектаклем. Моя супруга выступает как художник и режиссёр, а я как актёр.

Кукольный спектакль будет?

Да, предполагается, что она будет с использованием кукол. Так, мне уже от них никуда не уйти! Пятнадцать лет работы в Театре кукол не прошли бесследно.

Конкурс «Евразия» Вас мотивирует на дальнейшее творчество?

Конечно! Когда в прошлом году послал свою пьесу, был приятно удивлён, что попал в лонг-лист. А в этом году вообще занял второе место. По условиям конкурса возрастной предел тридцать пять лет, так что у меня два года впереди. Попишем ещё!

Беседовала Лидия Корзун

Из пьесы «папаМучительная-папамУчительная сказка»

А в это время, севши в уголочек,
Спросил у мамы маленький сыночек,
Листая книжку в толстом переплётё:

СЫН
А где мой папа?

МАМА
Папа на работе!

ПАПА-РАССКАЗЧИК
Он посмотрел в раскрытое окошко,
Он папу дождал ещё немножко,
Спросил в окошко у соседской тётки:

СЫН
А где мой папа?

ТЁТЯ
Папа на работе!!

ПАПА-РАССКАЗЧИК
Он посмотрел на небо. И в знакомом
Увидел небе самолёт над домом,
Он крикнул всем, летящим в самолёте:

СЫН
А где мой папа?

ЛЮДИ В САМОЛЁТЕ
Папа на работе!!!

ПАПА-РАССКАЗЧИК
Он от окошка бегал до окошка...
За хвост кота поймал и потаскал немножко...

КОТ
Мяу-мяу....когда же мальчугана вы уймёте?
Ну почеМЯУ твой папа на работе?

СЫН
Ну что это – работа и работа..
А мне с папулей поиграть охота.
Мне нужен папа! Как вы не поймёте???
Ну где он? Где он?

ЛЮДИ ВСЕЙ ЗЕМЛИ
Папа на работе!!!!

**«ЖИТЬ»
фильм Василия Сигарева**

Один из фильмов предпоследнего дня фестиваля «Коляда-Plays» – «Жить» Василия Сигарева. Сюжет – три истории о том, как люди теряют близких, совсем, до скрежета зубов «не вовремя» и «не так»... если такое вообще бывает «вовремя» и «так». Три истории о том, как после этого они пытаются (или не пытаются) жить. Фильм, по сути – мощное личное высказывание, и пусть не абсолютно, но всё же очень мрачное. Он тяжёлый и натуралистичный настолько, что задумываешься, до какой степени может быть вседозволенным искусство. После показа несколько пожилых зрительниц ругались на весь зал. Они называли автора бездарным, а фильм «некрофильным», и недоумевали: зачем такое показывать? Это один из возможных вариантов реакции на фильм. Очень искренняя и понятная реакция, только слова неубедительны.

Искусство может быть вседозволенным в рамках самого себя. Пока остаётся искусством, а не становится чем-то ещё: экспозиционизмом, жертвой, эпатажем ради эпатажа, ужасом ради ужаса. Сигарев черту не пересекает ни разу. Художественное воплощение картины безупречно, оно идёт изнутри, как мощный и природный, но осмысленный крик боли. Персонажи – живые и знакомые, ситуации убедительны от начала и до конца. Разумеется, мне лично после выхода из кинозала роднее и ближе показался солнечный свет и возможность возвращения в «свой уютный мирок, где ничего такого быть не может». Что мешает согласиться с недовольными? Уверенность, что такие вещи – надо переживать через искусство! Не бояться представить себе самое худшее и свою реакцию на это. Это совсем необязательно подготовка к реальным событиям, но только так «мирок» становится уютным по-настоящему, без иллюзий и побега. В идеале такой катарсис – только по жизненным показаниям, как по рецепту – если требуется. Но это в идеале.

Евгения Плясунова

«29 КИЛОМЕТР» фильм Леонида Андропова

Люди способны ради любви на всё: предать, пожертвовать собой, убить... Для музыкантов такой любовью становится их группа, особенно если она первая.

Фильм погружает зрителей в мир несбывшихся надежд четырёх мужчин. Когда-то они мечтали о славе и были родными друг для друга, а сейчас – изнемогают от взаимных болей, бед и обид где-то под Екатеринбургом на станции «29 километр». Именно там каждый год, в день распада группы, все они собираются на даче, чтобы выпить, подражаться и вспомнить детскую мечту.

Чёрно-белые кадры из прошлого, когда всё только начиналось, чередуются с цветным настоящим, которое на самом деле серое, грязное. Взрослых несостоявшихся звёзд и их подруг играют актёры «Коляда-Театра», а молодых и перспективных – играют настоящие музыканты.

Ребят губит собственный страх и неуверенность и, как следствие, алкоголь. Даже муза, представленная в образе обнаженной девушки, не может спасти провальный первый и самый важный концерт. В этом эпизоде особенно интересны спецэффекты и метафоры, созданные режиссером. Бесконечная лестница, по которой

невозможно понять: куда мы летим, вверх или вниз? Черные жуки тяжело передвигают людские глаза и вызывают неизбежную ассоциацию с «Превращением» Кафки. А сам дом, где происходят эти гипнотические сцены, – это чудовище, которое расцветает рядом с музой, но в момент провала группы начинает причинять боль.

И кажется, что эта боль преследует героев на протяжении всей жизни. Хотя каждый из них стремится выйти из рутины «работа-дом, работа-дом». Но вновь и вновь – не хватает упорства. Лампа, освещающая происходящее, неизбежно гаснет в финале. На её место приходит восход солнца. Кажется, светлый финал... но режиссёр решил иначе. Печальная история становится страшной.

Последние кадры... Под лучами солнца на уже пустой даче собака жадно ест сырое мясо, заготовленное для традиционных пашлыков. И, кажется, что не куски мяса исчезают из кадра, а люди, которые когда-то были и когда-то любили. Но даже судьба не способна отнять силы у всех и тот, кто хотел жить, всё-таки выжил. Так может быть есть где-то в мире мечты, которые могут сбываться?

В фильме звучит музыка Мoby, Курары, Смысловых галлюцинаций, Айфо, Джон Глюк бэнда и многих других групп, которые на сегодня уже состоялись, признаны... а когда-то тоже начинали, как и молодые герои фильма.

Сабрина Карабаева

БЕС ПРАВКИ

Первый, блин, всегда – в коме! (после выпуска 1-го ночного номера))

Можно подойти к героине так, а можно и вот так, а можно совсем по-другому....

Я не могу оценивать себя сцене. Я делаю только то, что предлагает режиссёр, в тех обстоятельствах, которые предлагает драматург и в той форме, которую предлагает режиссёр...

Артистки испытали шок: «как же так два часа прибывать на сцене, никуда не выходя, не уходя?» (ну да, так и театр сломать можно))

Мы очень долго учили эти песни, ведь артистки у нас ноют на разные голоса (поют))

Деокарационное решение спектакля помогает адекватному восприятию зрителя... (декорационное и адекватному))

Две недели мы не могли выйти из застольного периода... (застольного периода))

– Вам понравилась реакция екатеринбургских зрителей?

– Да, вы знаете, они какие-то удивительные эти сибиряки! (из интервью)

Наша декорация поместилась только в автобус, и нам пришлось три дня ехать сюда на автобусе.

ВЦ. «Моя психика...» не нужна больше?

ЛГ. Твоя-то? Не нужна))

(ночной диалог между редакторами)

Выпуск подготовили:

Елена Гецевич,
Вера Цвиткис

СВЕРДЛОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА КИНЕМАТОГРАФИСТОВ РОССИИ

Добавить в избранное!
Все новости фестиваля
на www.domaktera.ru

КУЛЬТУР
МУЛЬТУР

www.kulturmultur.com

apelcin.ru
мы знаем о культуре все